

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Ксении Александровны Тарабарко «Мягкая сила культуры Китая: концептуальное содержание и практики реализации», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры (философские науки)

Избранная К.А. Тарабарко тема диссертационного исследования актуализируется особенностями взаимодействия культур в современных условиях глобализации. Формирующееся современное культурное гиперпространство создаёт предпосылки для формирования новых механизмов межкультурного взаимодействия, одним из которых диссертант видит мягкую силу.

В последнее десятилетие мягкая сила – одна из наиболее дискутируемых тем как в целом в отечественной науке, так и в кругах отечественных синологов, которые, как справедливо отмечает диссертант, значительное внимание уделяют культурному компоненту мягкой силы Китая. Вместе с тем, мягкую силу, мягкую силу культуры можно назвать мейнстримом многочисленных исследований в этой научной отрасли в КНР. Эта тематика в той или иной степени затрагивается в таких областях, как: культурные инновации, индустрии, бренды, кластеры, модернизация, формы пространственной организации Китая и др. Таким образом, не вызывает сомнений актуальность выбранной К.А. Тарабарко темы исследования.

Во вводной части диссертант определяет степень разработанности темы в трудах отечественных и зарубежных исследователей и намечает собственный ракурс рассмотрения мягкой силы – с позиций философии культуры, что в дальнейшем позволило диссертанту раскрыть концептуальное содержание мягкой силы культуры Китая, проникнуть в суть инокультурного феномена.

Значительный объём выходящих в КНР публикаций по теме создает сильную базу для исследователя, представляющего концептуальную сущность мягкой силы культуры Китая. С другой стороны, этот же объем источников затрудняет актуализацию и нахождение собственной ниши в научном пространстве. Здесь требуется, во-первых, скрупулезный анализ, тщательная аналитическая работа для того, чтобы в устоявшемся знании найти новые элементы; во-вторых, необходима точность собственных интерпретаций многочисленных понятийных смыслов, характерных для китайских научных текстов. В целом К.А. Тарабарко удалось определить когнитивные границы своих изысканий и показать новизну исследования, открывающую дальнейшие перспективы работы в этом направлении.

Среди наиболее значимых элементов новизны можно отметить:

– выявленную систему компонентов (сила культуры, сила политики, сила общества и сила дипломатии); детерминирующим компонентом назван культурный, определяющий внутренние и внешние практики реализации мягкой силы КНР;

– выделенные структурные компоненты концепции мягкой силы культуры Китая (идеи традиционной культуры, ценностные императивы новейших культурно-идеологических концепций развития КНР и элементы глобализированной культуры);

– выделение уровней проецирования мягкой силы культуры Китая: человек – общество – международная среда (С. 12).

Положения, выносимые на защиту весомы, убедительны и задают логику повествования работы. Необходимо отметить высокую степень теоретической и практической значимости исследования, например, «автором получены новые данные о содержании теории мягкой силы Китая, построении концепции мягкой силы культуры Китая; охарактеризованы внутренние и внешние практики её реализации. Прделанный лингвокультурологический анализ позволил уточнить понятия «культура», «мягкая

сила», «мягкая сила культуры», «практика мягкой силы культуры», являющиеся частью современного научного дискурса КНР» (С. 14).

Автором привлечен значительный объем аутентичных источников. Всего 404 источника, из них 98 – на иностранных языках (73 – на китайском). Библиографический материал введён не формально, а в аналитической форме в автореферате (С. 4-8) и по всему тексту диссертации. Таким образом диссертационное исследование имеет прочное основание, представленное ведущими отечественными и зарубежными научными достижениями в данной области.

Проведенный в параграфе 1.1 анализ работ, которые послужили для автора основой его дальнейших изысканий, показывает глубокое проникновение в суть проблемы. Здесь и идеи «мягкого воздействия», и исследование эволюции теории мягкой силы, анализ американской теории мягкой силы, эволюция становления понятия в отечественной науке, научные представления отечественных учёных о китайской мягкой силе. Осмысление процесса становления понятия и теории мягкой силы позволило автору раскрыть сложность и специфичность феномена мягкой силы культуры Китая; определить когнитивные границы предмета исследования: мягкая сила культуры рассматривается диссертантом «как новая форма коммуникативной стратегии в условиях межкультурного взаимодействия» (С. 39); выявить комплекс методов и подходов, значимых для достижения цели диссертационного исследования.

Материал параграфа 1.2 и 1.3, представляющий китайские тексты философского и культурологического содержания, чрезвычайно сложный, требующий серьезных интеллектуальных усилий. Его внятное изложение в диссертации, введение в научный оборот российской философии культуры и синологии является безусловной заслугой автора. Заметно и хорошее владение материалом, и достаточно грамотный его анализ.

Сильной стороной работы является детальный авторский анализ содержания концепции мягкой силы Китая, который основывается на

работах ведущих китайских учёных, входящих в «мозговые центры мягкой силы КНР» (Гуандунский Южный институт исследований мягкой силы, Государственный инновационный центр совместных исследований мягкой силы культуры (на базе Уханьского университета), Государственный центр исследований мягкой силы культуры (при Пекинском университете, на базе Института международных отношений)»).

Примечательно, что, отслеживая становление теории мягкой силы в Китае, автор делает глубокие ретроспекции (С. 40-43), отмечая, что «ментальные конструкции как элементы мягкой силы, сформированные на разных исторических этапах развития Китая, обнаруживаются в трактатах школ философской мысли начиная с VII-VI вв. до н.э. Древние китайские мыслители Лао Дань (Лао-цзы), Конфуций (Кун-цзы), Сунь Бин (Сунь-цзы) разрабатывали «мягкие» методы воздействия на оппонента, которые применялись в Китае более двух тысяч лет в области военной практики, управления государством и выстраивания отношений с соседними народами» (С. 40). Резюмируя данный материал, автор отмечает, что идеи «мягкого воздействия» обрели новое звучание в КНР в конце XX в.

Ксения Александровна уточняет содержание современного понятия «мягкая сила», исследует процесс его становления в китайской науке. И, основываясь на анализе работ китайских исследователей, выводит компонентное содержание теории мягкой силы КНР. При этом отдельно представлен серьёзный аналитический материал, позволяющий сделать вывод о важности культурного компонента китайского варианта мягкой силы. В «китайской теории, – отмечает автор, – сила культуры и сила политики – взаимопроникающие компоненты мягкой силы, в определённой степени представляющие внутреннее и внешнее содержание мягкой силы, т.е. первое – внутреннее ядро, а второе – способы экстернализации первого» (С. 55). Это обстоятельство, как справедливо отмечает автор, определяет специфику китайского варианта теории мягкой силы – её культуроцентричность (С. 57). Свои выводы автор подкрепляет и

статистическими данными наиболее авторитетной научной базы данных КНР – «Чжунго чживан».

Особый интерес представляет содержание параграфа 1.3, в котором на основе анализа исследований китайских теоретиков представлена структура и содержание концепции мягкой силы культуры Китая и уровни её реализации. Актуальность и востребованность разработки концепции мягкой силы культуры КНР автор подтверждает, обращаясь к материалам официальных заявлений КПК и правительства КНР (С. 61).

На основе философско-культурологического и лингво-культурологического анализа, диссертант уточняет понятие «культура», «сила культуры» в китайской науке, раскрывает понятие «мягкая силы культуры», представляет аксиологическое содержание концепции мягкой силы культуры Китая. Анализ субъект-объектных связей и многоуровневой системы компонентов концепции мягкой силы культуры, позволил диссертанту «выделить уровни-объекты направленности китайской концепции мягкой силы культуры: человек – общество – международная среда» (С. 81) и проанализировать их аксиологическое наполнение.

Таким образом первая глава отражает теоретические построения диссертанта, раскрывая концептуальное содержание мягкой силы культуры Китая.

Глава вторая начинается справедливым утверждением автора о том, что «концепция мягкой силы культуры Китая в современных культурно-исторических условиях глобализирующегося развития определяет формообразующие принципы реализации культурной стратегии КНР в её интровертном и экстравертном выражении» (С. 87). Опираясь на наработки ведущих отечественных исследователей в области философии культуры, К.А. Тарабарко уточняет ряд рабочих понятий важное понятие практической части исследования – «культурная стратегия», определяет тип культурной стратегии КНР. Выводит авторское определение ключевого понятия второй

главы – «практика мягкой силы культуры», что позволяет выстроить дальнейшую логическую цепочку исследования.

Исследуя эволюцию культурной стратегии Китая, автор представляет внушительный ретроспективный анализ официальной политики КНР в области культуры на основе анализа содержания официальных документов. Это позволило диссертанту сформулировать значимый вывод о том, что «...эволюция официальной политики в отношении культурной стратегии прошла долгий путь от повышения внимания правительства к вопросам культуры до осознания важности культурного строительства в процессе гармонизации китайского общества. Официальные документы определяют структуру культурных реформ КНР, одновременно направляя вектор научных исследований. В целом, культурное строительство реализуется посредством практик мягкой силы культуры на внутригосударственном уровне» (С. 95).

Параграф 2.1 посвящён анализу внутренних практик мягкой силы культуры Китая. Автор выделяет среди них универсальные и специфичные. Особый интерес представляет та часть параграфа, в которой представлен анализ специфических практик мягкой силы Китая, среди которых автор называет такие, как: формирование и продвижение культурных брендов внутренних регионов КНР; культурно-образовательную деятельность Шуюань, формирование КЭЗ и т.д.

Заключительный вывод параграфа о том, что «культурная стратегия КНР на внутригосударственном уровне выполняет двойственную охранительно-трансформационную функцию и направлена, с одной стороны, на консолидацию внутреннего культурно-разнородного пространства КНР, гармонизацию межличностных, межэтнических и др. отношений, а с другой – на трансформацию китайской культуры – её модернизацию, инновирование в условиях глобализационных вызовов, формируемых интенсификацией межкультурного взаимодействия» (С. 111) представляется весьма значимым

для понимания специфики наполнения и реализации концепции мягкой силы культуры КНР.

Второй и третий параграфы главы второй посвящены анализу реализации мягкой силы культуры Китая в международной среде, где вопросы межкультурного взаимодействия проявляются особенно ярко. Опираясь на теоретические наработки ведущих отечественных учёных в области межкультурного взаимодействия (и в частности, диалога культур) и на основе анализа культурной стратегии КНР, проделанной диссертантом в параграфе 2.1 и начале 2.2, Ксения Александровна делает важный вывод о том, что «современная культурная стратегия Китая на уровне международной среды реализуется посредством выстраивания диалога культур, предполагающего улучшение взаимопонимания между странами» (С. 113). Одним из инструментов этой стратегии автор называет мягкую силу культуры Китая, которая как новая коммуникативная стратегия выполняет, по мнению автора, транслирующе-трансформационную функцию. Несомненный интерес представляет и утверждение автора о том, что «современная культурная стратегия КНР на международном уровне выстроена в традиционном прагматическом русле и сводится к стремлению в перспективе расширить культурное присутствие КНР в мире. Во внешних практиках реализации мягкой силы культуры КНР выстраивает свою стратегию с позиций мультикультурализма и диалога культур» (С. 113-114).

Представленные теоретические выводы автора обстоятельно доказаны аналитическим содержанием параграфов 2.2 и 2.3, в которых охарактеризованы практики мягкой силы культуры Китая в условиях межкультурного взаимодействия. Так, к внешним практикам мягкой силы культуры Китая автором «...отнесены: международные научно-образовательные и культурно-языковые проекты, издательская деятельность, теле-радио проекты и развитие международных культурных брендов Китая» (С. 137). Все перечисленные практики грамотно и полно охарактеризованы.

«Реализуя цель создания «могущественного культурного государства» посредством мягкой силы культуры Китай расширяет своё культурное присутствие в разных пространственно-региональных направлениях» (С. 138), в том числе и в России, используя при этом весь набор практик и механизмов мягкой силы культуры. На основе тщательного их анализа диссертант приходит к выводу, что «культурная стратегия Китая в условиях межкультурного взаимодействия с Россией выполняет транслирующе-трансформационную функцию. Обозначенная стратегия реализуется посредством практик мягкой силы культуры КНР, которые условно можно разделить на культурно-образовательные, культурно-гуманитарные, культурно-туристические практики и практики культурно-массовых мероприятий» (С. 163). Значимым представляется заключение автора о том, что разнообразие практик мягкой силы культуры Китая, реализуемых в России, свидетельствует о наступательном характере мягкой силы культуры Китая, обнаруживая дисбаланс в межкультурном взаимодействии двух стран.

В целом, глава вторая носит практический характер и наполнена большим количеством фактологического материала, который, однако, грамотно проанализирован. Результаты весомых интеллектуальных усилий автора подтверждаются наличием приложений, которые визуализируют распространение или локализацию институтов Конфуция на территории РФ и отражают динамику публикаций китайских экспертов по тематике мягкой силы культуры.

Заключение диссертации выполнено правильно, содержит выводы и результаты проведенного исследования, а также обозначает его перспективные направления.

Вместе с тем, выскажу свои замечания и пожелания.

1. В первой главе диссертации логично и справедливо присутствует параграф, посвященный становлению теории мягкой силы в китайской науке, который начинается с историко-философского экскурса. И здесь более уместным было бы говорить не о формировании теории мягкой силы,

поскольку сама теория как таковая не формировалась, формировался в данном случае менталитет китайцев, основанный на мягких принципах достижения результата. Это гораздо глубже, чем абстрактная теория.

2. На странице 43 диссертант пишет: "Древние китайские философы считали, что основой государственных отношений являются нормы этики, права и сотрудничества, а применение различных невоенных стратегий как инструментов влияния на противника – основа древней военной культуры Китая". Здесь непонятно, о каких философах идет речь. Легисты, например, придерживались прямо противоположной точки зрения.

3. Встречаются досадные повторы, когда автор одну и ту же мысль приводит неоднократно.

4. Весьма интересным представляется анализ работы Шэнь Хун'юя. "Дандай чжунго вэньхуа жуаньшили яньциу (Исследование вопросов мягкой силы культуры современного Китая)". Однако здесь следовало бы более внимательно отнестись к переводу цитируемого китайским ученым фрагментов древнего текста. Например, на с. 62. предложение 物相杂，故曰文 диссертант переводит как «Сложность положения (состояния) вещей в древности называлась «вэнь». Здесь речь идет, во-первых, не о сложности состояния вещей, а о взаимном смешении, во вторых, иероглиф 故 не имеет значения "древность", это предлог, имеющий значение "поэтому". Фразу лучше перевести следующим образом: "Вещи взаимно смешиваются, поэтому называется вэнь".

Следующую фразу 化而为鸟，其名曰鹏 диссертант переводит как «превратился в птицу, а называли её гигантская птица Пэн». В данной фразе предлог "а" не уместен, ведь здесь речь идет о гигантской рыбе Кунь, которая превратилась в птицу, и имя этой птицы Пэн.

Однако замечания по переводу, как и другие ни в коем случае не умаляют достоинств данного диссертационного исследования и не снижают

его общей высокой оценки. Диссертация К.А. Тарабарко соответствует всем требованиям ВАКа, предъявляемым к работам такого рода.

В целом, диссертационная работа представляет собой хорошо структурированное, логичное, целостное исследование и оставляет впечатление высокопрофессиональной работы. Автореферат отражает содержание диссертации. Основные положения диссертации апробированы соответствующими публикациями автора (всего 13, в том числе 3 из перечня ВАК) и участием автора в различных научно-практических конференциях. Диссертационное исследование К.А. Тарабарко вносит существенный вклад в исследования в области философии культуры, межкультурного взаимодействия и отечественной синологии.

Содержание рецензируемой работы полностью укладывается в рамки указанной специальности 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры (философские науки) и соответствует требованиям п. 23 Положения о присуждении учёных степеней, утверждённого Постановлением Правительства РФ 24.09.2013 г., № 842, а её автор Тарабарко Ксения Александровна заслуживает присуждения ей искомой степени кандидата философских наук.

Янгутов Леонид Евграфович,
доктор философских наук, профессор,
г.н.с., координатор работы Отдела философии,
культурологии и религиоведения

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
(ИМБТ СО РАН)
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6,
e-mail: imbt@imbt.ru, тел. (3012) 43-35-51

